

Александр АНДРЕЕВ

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
БЕЛОРУССКИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

**Александр Радьевич Андреев
Максим Александрович Андреев
Выдающиеся белорусские
политические деятели Средневековья
Серия «Князья и государи»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605875*

Аннотация

Тысячелетняя история белорусского народа, земли которого находятся на перекрестке важнейших европейских и азиатских путей, никого не может оставить равнодушным. За этот исторический период белорусы пережили столько войн и нашествий, разорений и оккупаций, которых хватило бы, чтобы стереть с лица земли и сам народ, и даже память о нем. Но всегда из народной среды появлялись люди – государи, полководцы, рыцари, побеждавшие в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях, подтверждая, что роль личности в истории – одна из главнейших.

Содержание

Навечно в памяти потомков	4
Всеслав Вещий (1029–1101)	8
Витовт Великий (1350–1430)	27
Часть I. Великое княжество Литовское до Витовта Великого.	27
Гедимин. Ольгерд и Кейстут	
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Андреев, Максим Андреев Выдающиеся белорусские политические деятели Средневековья

Навечно в памяти потомков

Тысячелетняя история белорусского народа, земли которого находятся на перекрестке важнейших европейских и азиатских путей, никого не может оставить равнодушным. За этот исторический период белорусы пережили столько войн и нашествий, разорений и оккупаций, которых хватило бы, чтобы стереть с лица земли и сам народ, и даже память о нем. Но всегда из народной среды появлялись люди – государи, полководцы, рыцари, побеждавшие в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях, подтверждая, что роль личности в истории – одна из главнейших.

Знаменитый полоцкий князь Всеслав Вещий долгое время боролся за высшую власть в Киевской Руси, был великим киевским князем.

К середине XIII века около двадцати белорусских княжеств стали основной частью Великого княжества Литовского – только совместными усилиями было можно противостоять татаро-монгольской экспансии и нашествию Тевтонского ордена.

Монголо-татары не захватили белорусские земли. Летом 1385 года в замке Крево была заключена династическая уния Короны Польской и Великого княжества Литовского, по которой Ягайло, сын великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича, женился на польской королеве Ядвиге и стал польским королем. Великим князем Литовским стал выдающийся сын не менее выдающегося отца – Витовт, сын Кейстута Гедиминовича. В 1410 году объединенное литовско-белорусско-руско-польское войско разгромило в битве под Грюнвальдом войско Тевтонского ордена, чья военная мощь была фактически уничтожена, как и опасность немецкой экспансии крестоносцев, чьим лозунгом было: «Бей, руби, убивай».

Процессы белорусско-руско-литовской интеграции были прерваны недалекой и неумной политикой первого московского царя Ивана IV Васильевича. Бездарно и с большими потерями проигранная им Ливонская война привела к созданию в 1569 году в результате Люблинской унии Речи Посполитой. Во главе нового государства с общим сеймом встал выборный король, он же и великий князь литовский.

Люблинская уния была дополнена религиозной Брестской унией 1596 года.

Белорусские земли занимали разное положение в составе Великого княжества Литовского. Относительную автономию в XIV–XV веках сохраняли Несвижское, Мстиславское, Новогрудское, Слуцкое, Пинское, Кобринское, Кревское княжества, Полоцк и Витебск. Позднее, в середине XVI века белорусские земли входили в воеводства – Брестское (Брестский и Пинский поветы), Витебское (Витебский и Оршанский поветы), Виленское (Браславский, Виленский, Лидский, Ошмянский поветы), Мстиславское, Новогрудское (Волковысский, Новогрудский, Слонимский поветы), Полоцкое, Троцкое (Гродненский повет).

В Великом княжестве Литовском номинальным верховным собственником всех земель и фактическим владельцем земли был великий князь. Князья, пань и часть бояр-шляхтичей были его вассалами. Большинство шляхтичей владело небольшими имениями. Привилеи 1387, 1413, 1447 годов, статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 годов оформили права шляхты на землю. Права были неограниченны, что усилило политическую роль шляхты.

Шляхта появилась в XIII веке в Польше из состава рыцарей – воинов-профессионалов. Польские короли постоянно ссорились с магнатами и привлекали на свою сторону рыцарство, давая льготы, привилегии, расширяя права. Шляхта, как боевая сила, играла важную роль в стране. Уже в XIV–XV веках шляхта стала боевым и привилегированным сословием в Польше, Литве, Беларуси, Украине, Чехии и пробыла им до начала XX века. Из девизов рыцарских гербов уже в XIV веке был создан Кодекс шляхетской чести:

Верой и правдой.
Служу Отечеству, отвечаю – Богу.
Добру – награда, злу – возмездие.
Должен – значит можешь.
Достойно и благородно.
Честь дороже жизни.
Ударом на удар.
Победа или смерть.
Слово крепче камня.

У шляхты была феодальная собственность на землю, а между собой шляхтичи общались на принципах иерархии. В Статуте Великого княжества Литовского 1529 года изложены взаимоотношения шляхты и великого князя:

«Великий князь обязуется государство его милости Великое княжество Литовское и панов рад ни в чем не принижать.

Обязуемся своим великокняжеским именем сохранить за всей шляхтой, княжатами, панами хоругвенными и всеми простыми боярами, мещанами и их людьми свободы и вольности, данные им как нашими предками, так и нами.

Мы не должны нешляхтичей возвышать над шляхтичами, а сохранять шляхтичей в их достоинстве».

По привилеям – кодексам XIV и XVI веков и постановлениям сеймов шляхта была освобождена от государственных повинностей. Единственной ее обязанностью была воинская служба. Шляхта также платила маленький налог на землю. Шляхтичи получили имущественную и личную неприкосновенность, освобождались от юрисдикции королевских судей, занимали государственные должности, через сейм участвовали в решении государственных проблем, избирали короля, даже получили право свободного запрета на сейме любых обсуждаемых и принимаемых законов. Шляхта состояла из магнатов, среднего слоя, имевшего поместья, и заградовой шляхты, не имевшей крестьян, шляхты, не имевшей своей земли и служившей магнатам. Стать шляхтичем не по рождению было практически невозможно, необходимы были исключительные заслуги перед государством или усыновление нешляхтича шляхтичем. Безземельная и малоземельная шляхта полностью зависела от магнатов.

Основная масса элиты Великого княжества Литовского в XIII–XVI веках называлась боярами. Литовские и белорусские бояре впервые были названы шляхтой в Городельском привилее 1413 года, и это название окончательно закрепилось к началу XVI века. Права шляхты Великого княжества Литовского были увеличены привилеями 1387, 1413, 1432, 1434, 1447, 1492, 1529, 1566, 1580 годов. Права польской, литовской и белорусской шляхты были уравнены на сейме 1696 года.

С XIV века во главе Великого княжества Литовского стоял великий князь из династии Гедиминовичей – первые князья назначались предшественниками, потом завоевывали престол, позже избирался магнатами и вельможами. Магнаты были самыми крупными земле-

владельцами в княжестве. Это и были паны – рада, которые составляли совет государя и играли основную роль на сеймах. В руках магнатов находились все важнейшие должности Великого княжества Литовского: гетман был командующим войсками и военным судьей, канцлер хранил королевскую печать и вел государственные дела, маршалок представлял служилое сословие, подскарбий ведал доходами, воеводы управляли регионами и имели военную, судебную и административную власть, каштеляны были заместителями воевод, старосты руководили районами – поветами.

Независимость Великого княжества Литовского после Кревской унии 1386 года от Польши была фактически потеряна. Началась длительная междоусобная война Ягайло-Владислава и его двоюродного брата Витовта. Война закончилась Островским соглашением 1392 года, по которому Великое княжество Литовское во главе с Витовтом Кейстутевичем стало автономией Польши под верховной властью польского короля.

Великий князь Витовт, правивший с 1392 по 1430 год значительно укрепил свою власть в княжестве, сажая в уделах наместников, усилил фактическую независимость Литвы от Польши, значительно расширил территорию княжества. К тому времени влияние бояр и шляхты значительно возросло. Она стала силой, от которой зависела судьба государства. Магнаты создавали «партии» из шляхтичей, представлявшие большую боевую силу. Шляхтичи из одной общины – повета собиравались на сеймики – собрание всей местной шляхты. Чтобы принять новый закон, или установить новый налог или созвать ополчение, король обращался к сеймикам.

В XV веке шляхта начала ограничивать свободу крестьянских общин – в то время крестьянство было юридически свободно. Имена шляхты населялись холопами – челядью, рожденными в этом состоянии, или попавшими в плен, или преступниками, отданными в рабы – хлопы. Свободных крестьян называли людьми, посполитыми, которые сообща владели землей и на собраниях решали возникающие проблемы. Народное собрание называли громадой, большое – вечем. Повинности шляхте крестьяне платили деньгами и натурой. Крестьянское хозяйство называлось «дымом» и владело до сотней десятин пахотной и сенокосной земли.

В XV веке в Великом княжестве Литовском стали образовываться фольварки – фермы, земля делилась на волоки – каждая из двадцати десятин, волоки состоялись из моргов. Подати и налоги брались с земли. Шляхта во второй половине XV века начала переносить налоги на людей, ограничила свободу крестьянских переходов, установила барщину. В XVI веке сеймы фактически ввели крепостное право в деревнях и селах. Городское сословие также было ограничено в правах, им запрещалось покупать имения, как не участвующим в боевых действиях. Шляхта стала хозяином государства – судила, издавала законы, воевала, заключала мирные договоры, даже избирала королей.

К началу XVI века началось постепенное привлечение белорусской элиты к руководству княжеством. В высшем государственном органе Великого княжества Литовского – Раде – работали белорусские магнаты и шляхтичи – Сапегы, Друцкие, Глебовичи, Вяжевичи, Зеновьевичи. В Передней Раде заседали Острожские, Ходкевичи, Глебовичи. Магнаты становились великими гетманами и великими канцлерами.

Вмешательство Польской Короны и Великого княжества Литовского в Ливонскую войну привело их и к войне с Московским царством, уничтожившим Ливонский орден. Его магистр Г. Кеттлер обратился к королю польскому и великому князю Литовскому Сигизмунду II Августу с просьбой принять Ливонию в состав союзного государства. Часть Ливонии стала литовско-польской провинцией Инфлянты, а образованное из другой части Ливонии Курляндское герцогство признало себя вассалом Великого княжества Литовского.

Военные действия переместились в белорусские земли. В 1563 году московские войска взяли Полоцк, стояли у стен Витебска, Шклова, Орши. С другой, южной стороны, земли Короны и Княжества постоянно атаковали крымские татары – они с начала XVI века около пятидесяти раз нападали на Польшу, разоряли белорусские и литовские земли. Великое княжество Литовское оказалось на грани военно-политической катастрофы. Польша напомнила ему об унии – Польское королевство предложило Великому княжеству Литовскому войти в состав Польши. Княжество предложило союз двух государств и династическую унию.

Общий сейм открылся в январе 1569 года в Люблине и продолжался почти полгода. Не договорившись, в марте послы Великого княжества Литовского покинули Люблин. В ответ поляки заняли половину литовско-белорусских земель. В Великом княжестве практически остались земли, на которых находились московские войска, строившие свои крепости – Козьяны, Туровля, Ула, Ситно, Красная. Литовские послы попытались вести переговоры с Иваном IV, но договориться не смогли. За это время все занятые Польшей у Княжества земли присягнули Польской Короне.

1 июля 1569 года Люблинская уния была подписана. Было создано полуженеральное государство – Речь Посполитая с одним выборным королем (он же и великий князь Литовский), с общим сеймом и единой внешней политикой, однако единого правительства не было. Предусматривалась единая денежная система. Подтверждалось присоединение к Польше Подляшья, Волыни, Подолии, Киевщины. Великое княжество Литовское сохраняло свое правительство, войско, казну, законодательство, суд. Полякам запрещалось занимать государственные должности в княжестве. До конца XVII века официальным государственным языком в нем оставался белорусский.

Новый глава государства избирался на общем сейме с титулом – король Польский, Великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Жемайтский, Киевский, Волынский, Подляшский и Инфлянтский. Великий князь Литовский отдельно больше не избирался. Права поляков, литовцев и белорусов уравнивались. Сохранялся титул княжества, его печать, княжеству оставались некоторые суверенные права. Однако на практике все было совсем не так. Например, в сейме Речи Посполитой из 180 депутатов на литовцев приходилось 46 мест, на белорусов – 34.

Избранный королем Речи Посполитой Стефан Баторий не стал ставить Великое княжество Литовское в подчинение Короне. Это помогло ему свести на нет почти все достижения Московского царства в Ливонской войне, чему, впрочем, сильно способствовала и «деятельность» московского царя Ивана IV.

Люблинская уния была дополнена и религиозной Брестской унией 1596 года, на которой было оформлено новое направление в христианстве – униатство. После 1596 года в Беларуси действовали три религии, три церкви: римско-католическая, греко-католическая (униатская) и православная.

XV, XVI и XVII века стали временем расцвета Великого княжества Литовского. Современный белорусский историк В. Чаропка писал: «Властители Великого княжества...» Так называли себя магнаты средневековой белорусской державы – Великого княжества Литовского. Богатство и политическая власть позволяли им чувствовать себя некоронованными властелинами государства, и делами своими они были равны монархам.

Роль выдающихся политических деятелей XV–XVII веков в белорусской истории очевидна. Все важнейшие события этой эпохи происходили с их прямым участием и вошли в европейскую историю как великие дела, заслуживающие баллад и песен, саг и былин. Героические деяния героев средневековой белорусской истории всегда формируют героические традиции народа, идущие сквозь века – в будущее.

Всеслав Вещий (1029–1101)

Полоцкая княжеская династия Рогволодовичей и Всеславичей имеет четырехсотлетнюю историю. Рогволд и Всеслав были самыми известными полоцкими князьями. Уже при первом упоминании Полоцка в летописи в 862 году в нем правили местные князья. Само Полоцкое княжество было создано на Западной Двине и занимало земли нынешней Северной Беларуси. Соседями Полоцка были Новгород, Смоленск, Туров, земли литовских племен. Летопись говорит, что первый создатель Древнерусского государства князь Рюрик в 862 году раздал своим видным соратникам-дружинникам города – «тому Полоцк, этому Ростов, другом Белоозеро». В 907 и 911 годах населявшие белорусские земли кривичи и радимичи участвовали в походе великого киевского князя Олега на Царьград – Константинополь.

В 980 году в Полоцке уже княжил Рогволд, а Полоцкое княжество стало фактически независимым государственным образованием. «Повесть временных лет» говорит: «Бо Рогволд пришел и имеше власть свою в Полотске». Судьба Рогволда была трагичной.

Древнерусское государство – Киевскую Русь – создавали князья Олег (882–912 годы), Игорь (912–944), его жена Ольга (945–964), их сын Святослав (964–972 годы). Вершины своего могущества Киевская Русь достигла во время княжения Владимира Святославича (980–1015 годы). В борьбе за Киевский стол между сыновьями Святослава – киевского князя Ярополка и новгородского князя Владимира – Рогволд занял сторону Ярополка, хотя активных действий не принимал.

Рогволд «держал, владел и княжил в Полоцкой земле», укрепил и закрепил границы княжества, утвердил систему управления, политическую систему. Полоцкое княжество занимало непосредственно полоцкие земли, часть земель дреговичей и финских и литовских племен. Полочане расселились по среднему течению Западной Двины и по Полоте – на юг до верховьев Свислочи и Березины. Летопись говорит, что «Полочане получили свое название реки ради, яже течет в Двину, именем Полота». Полоцкое княжество располагалось почти по всему течению Западной Двины, в бассейнах Березины, Немана; в княжество в течение веков входили города Минск, Витебск, Друцк, Логойск, Усвяты, Борисов, Заславль, Лукомоль, Орша. Развитию Полоцкого княжества способствовал контроль за торговыми путями, приносивший большие доходы и конфликты с Киевом и Новгородом, которые постепенно переросли в кровавые территориальные споры.

В 980 году князь Владимир Святославич, используя отказ дочери Рогволда Рогнеды выйти за него замуж как повод для нападения, взял Полоцк штурмом, убил Рогволда и его сыновей и силой взял Рогнеду в жены. В Полоцке Владимир оставил своего наместника, пошел с новгородским войском на Киев, взял его, убил своего брата Ярополка и стал киевским князем. Автор истории Беларуси И. В. Турчинович писал в середине XIX века в «Обозрении истории Белоруссии с древнейших времен»:

«Брак Владимира с Рогнедою имел великие последствия. Как супруга Владимира она была матерью Изяслава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей». По многим историческим источникам Рогнеда родила Владимиру сыновей – Изяслава, впоследствии князя Полоцкого, Ярослава Мудрого, князя Новгородского и Киевского, Мстислава, князя Черниговского, Всеволода, князя Владимир-Волынского, и дочерей – Предславу, впоследствии вышедшую замуж за чешского князя Болеслава III Рыжего, и Премиславу, ставшую женой угорского короля Ласло Лысого».

Владимир Святославич в 988 году передал Полоцкое княжество сыну Изяславу. Сын Рогнеды и Владимира скончался в 1001 году, через год после смерти матери. Один из его

сыновей Всеслав умер в 1003 году. Многие историки говорят, что эти смерти были не случайны – киевским князьям не нужны были сильные конкуренты. В 1003 году полоцким князем стал последний представитель рога Рогволда, правивший до 1044 года.

В 1015 году умер великий киевский князь Владимир Святославич. В результате длительной междоусобной резни его сыновей «земля была поделена» между Ярославом Мудрым, Мстиславом Черниговским и Брячиславом Полоцким. Началось длительное противостояние полоцких и киевских князей – за верховенство в восточнославянских землях.

В 1021 году Брячислав с полоцкой дружиной взял и ограбил Новгород. На пути домой его догнал Ярослав Мудрый и разбил его войско. Дядя и племянник помирились, Брячислав получил Витебск и Усвяты. Белорусский историк В. М. Игнатовский писал в конце XIX века в «Кратком очерке истории Белоруссии»:

«Большой конфликт разгорелся из-за Новгорода, который был как бы северным ключом водного пути «из Варягов в Греки». Иметь в руках этот ключ было очень важно. Кто имел этот ключ, тот имел возможность закрывать и открывать путь тогдашних торговли и культуры. Кроме этого, спор шел из-за владения двумя городами – Витебском и Усвятами. Эти города также имели большое экономическое значение. Тот, кто владел ими, владел ключами от верхнего Подвинья и имел очень важную часть великого пути, где были волоки между Днестром, Западной Двиной и Лаватью. Борьба между Полоцком и Киевом кончилась тем, что Киев отказался от претензий на Витебск и Усвяты. Что касается Новгорода, то вопрос о нем окончательно не выяснен, все же он был больше под влиянием Киева».

Князь Брячислав тогда же построил город своего имени – современный Браслав, на знаменитых озерах – древние князья хорошо знали, где устраивать свои резиденции. Возможно там, или в Полоцке в 1029 году родился его сын – Всеслав. Об этом годе летописи писали как о «мирном лете». Историки пишут, что в этом году над Восточной Европой «сияние змееподобное появилось на небе так, что его было видно повсюду». Белорусский историк и писатель С. В. Тарасов писал в 1991 году в книге «Чародей Седьмого века Траяна Всеслав Полоцкий»:

«Змей – древнейший языческий образ бога, в первую очередь для балтских народов и белорусов. В позднейшей традиции Змей превратился в ужа, доброго защитника человека и его семьи. Видать недаром в белорусских легендах и преданиях образ змей, в том числе и ужа, по частоте упоминаний соперничает только с волком. Очень популярен образ змея и в белорусских сказах. Кроме этого, образ змея-дракона был широко распространен у всех скандинавских народов. Подтверждают это и многочисленные археологические находки бронзового венка с змееподобными концами, широко распространенные на территории Беларуси и Прибалтики в IX–XII веках. Многие балтские элементы культуры стали естественными и родными для жителей Полоцкой земли.

Таким образом, заметным было уже само появление на свет Всеслава, недаром названного позднее Чародем. Для его современников оно было, наверное, знаком наступления необычных событий. А впереди было еще 73 года побед и поражений, взлетов и падений».

Полоцким князем Всеслав стал после смерти своего отца Брячислава в 1044 году в возрасте пятнадцати лет. Впереди было двадцать лет мирной жизни. Всеслав занимался строительством и укреплением своего государства.

Город был перенесен с реки Полоты к ее устью, на мыс на правом берегу Западной Двины. В историческом исследовании «Полоцк», вышедшем в 1997 году в Минске, написано:

«Во второй половине X–XI века образовался новый укрепленный центр города на возвышенности площадью 10 гектаров на правом берегу Западной Двины. Позже эта часть города стала называться Верхним замком. На ее южной стороне в середине XI века был построен Софийский собор. Верхний замок являлся детинцем Полоцка XI–XIII веков и в более позднее время. В X–XI веках возле него заселяли территорию, в результате чего образовался обширный посад. Он располагался в трех местах: древнейший – вблизи городища на берегу Полоты, Заполотский и Великий Посад (на его части затем был сооружен Нижний замок). Площадь Великого посада составляла пятьдесят гектаров. Верхний замок с трех сторон был защищен реками, а с четвертой – рвом».

С 1044 по 1066 год в Полоцке строился Софийский собор, ставший украшением города. Всеслав построил собор в честь святой Софии, подчеркнув равенство Полоцка с Новгородом и Киевом, где уже были построены такие соборы. В Софийском соборе шли церковные службы, там принимали послов, заключали договоры о войне и мире, держали архив, библиотеку и казну, вели летопись.

Полоцк обладал большим количеством ремесленников, развивавших и совершенствовавших кузнечное, оружейное, гончарное, кожевенное, сапожное, бондарное, даже ювелирное ремесла. Население активно занималось земледелием, огородничеством, садоводством, скотоводством, рыболовством. Торговля шла между всеми городами восточно-европейских княжеств. С Балтики везли янтарь, из Киева – изделия из стекла, посуду, из Византии – амфоры с вином, с Востока – украшения, ткани; в Полоцк везли соль, металлы. Полочане поставляли на экспорт меха, воск, ремесленные изделия. Подробностей о древнем Полоцке мало – летописи города не сохранились, сгорели в пожарах многочисленных войн, намеренно уничтожались.

Полоцкое княжество стало основным конкурентом Киевского. В 1054 году умер Ярослав Мудрый. В Киеве вокняжился его сын Изяслав, в Чернигове – сын Святослав, в Переяславле – Всеволод, отец Владимира Мономаха, во Владимире – сын Игорь, в Смоленске – сын Вячеслав. Триумвират Изяслава, Святослава и Всеволода правил Киевской Русью. Полоцк укрепляется в Прибалтике, кроме Лукомля, Браслава, Друцка, Витебска, Усвят, Заславля, Логойска, Копыси, Орши, Минска были построены прибалтийские Кукейнос и Герсика. С. В. Тарасов писал:

«Перед Всеславом стояла очень сложная задача: необходимо было не просто объединить силой окружающие земли (что, вообще-то, в то время было мало перспективным), а создать такие условия, чтобы эти земли и народы жили в едином неразрывном братском сообществе. Чем мощнее были бы между ними добровольные связи, тем мощнее была бы и вся держава. Всеслав не стремился объединить Полоцкую землю огнем и мечом, как это делал его пращур Владимир, потому что понимал, что империи, основанные на силе, долго не живут. Он проводил другую, мирную политику, строил и укреплял новые города».

Уже в период княжения Владимира Святославича появилась проблема управления территориями, которые киевский князь раздавал в уделы своим двенадцати сыновьям, платившим дань со своих городов в Киев. После смерти великого киевского князя его дети, враж-

дую из-за наследства, начали истреблять друг друга. В результате междоусобной войны к власти в Киеве пришел Ярослав Мудрый, поддержанный новгородцами, не хотевшими платить большую дань Киеву. Дети и внуки Ярослава продолжали резаться за великий стол. Выдающийся российский историк С. Ф. Платонов писал в начале XX века:

«В политической жизни киевского периода признавался правильным родовой порядок наследования и владения – от брата к брату и от дяди к племяннику; этот порядок в первое же время своего существования терпел нарушения. События времени внуков и правнуков Ярослава ясно показывают, что эти нарушения были чрезвычайно часты, и что наследование столов запутывалось до чрезвычайности.

Родовой порядок наследования столов, как идеальная законная норма, несомненно существовал. Но рядом с ним существовали и условия, подрывавшие правильность этого порядка. Политическое устройство Киевской Руси было неустойчиво. Составленное из многих племенных и городских миров это княжество не могло сложиться в единое государство в нашем смысле слова и в XII веке распалось.

Политическая связь киевского общества была слабее всех других его связей, что и было одной из самых видных причин падения Киевской Руси».

Феодалная раздробленность X–XI веков усиливалась быстрым разветвлением Рюриковичей, продолжавших оставаться главами княжеств, номинально подчиненных великому князю. Именно в руках Рюриковичей оставалось право на государственную власть. Деление династии началось с сына великого князя Святослава Игоревича, с отделения линии князей Полоцких. Из детей Ярослава Мудрого выделилась линия сыновей Святослава и Всеволода. И. В. Турчанович писал:

«Князь Полоцкие, Изяславичи, основываясь на своем происхождении от первой супруги Владимировой и его старшего сына, как старшие в роде, считали себя законными наследниками Великокняжеского престола. Зато Ярославичи всеми силами души ненавидели их, Изяславичей».

В Древнерусском государстве существовало две формы власти – княжеская и вечевая. Князья пришли в уже сложившиеся города и области.

Слово «вече» от «вещать» – «говорить», впервые упоминается в русских летописях под 997 годом. Вече – форма коллективного волеизъявления, высшая власть в Древней Руси, народное собрание, обсуждавшее важные общие дела. Ведению вече подлежали вопросы войны и мира, призвания и изгнания князей, выборы и смещение представителей администрации – посадников, тысяцких судей и воевод, заключение договоров с другими землями и княжествами, наделение земле и привилегиями, принятие законов. Вечевые собрания обычно созывались по звону вечевого колокола по инициативе властей или населения, они не были регламентированы. Князья, захватывающие чужие княжества, в знак победы в свой стольный город увозили вечевой колокол. Решения на вече принимались без голосования, путем одобрения того или иного предложения всех присутствующих криком. В последний период своего существования на вече часто побеждали не здравомыслящие, а громкокричащие, что позволяло манипулировать народным собранием. Вече имело постоянное место сбора. В моменты безвластия и смуты вече становилось единственным органом власти. Право голоса на вече имели лично свободные мужчины, способные носить оружие. Вече просуществовало до XV века и были вытеснены сформировавшимися сословиями. С. Ф. Платонов писал:

«У славян князем издавна называли вождя племени и главу государственного образования. Первоначально князь был выборным, а потом наследственным правителем, исполнял военные, административные, религиозные функции, проводил важнейшие государственные реформы. Именно князь проводил и упорядочивал сборы дани – натурального или денежного налога – побора с покоренных племен и подвластных территорий. Древнерусские летописи употребляют этот термин прежде всего в смысле военной контрибуции. Собранный дань распределялась между князьями, дружинниками, шла на городские нужды. Позднее дань потеряла значение контрибуции и стала податью, платимой населением государству.

В связи с увеличением числа княжеских уделов в XI веке князья стремились закрепить их за собой в наследственное владение. По мере создания великого княжения внутри его создавались наследственные владения князей – уделы, со сложной системой взаимоотношений удельных и великих князей. Переходя на службу к великому князю, удельные князья сохраняли удел, как свою вотчину, назначались наместниками в свою землю, получали звание служилых князей.

Звание старшего князя дома Рюриковичей появилось в X веке – великий князь. В его компетенцию входили издание распоряжений законодательного характера, право назначения на высшие государственные должности, ведение великокняжеского суда – высшей судебной инстанции. Великими князьями возглавлялись наиболее значительные военные походы. Формально он считался «первым среди равных». Традиции настолько довели над великим князем, что, не имея возможности прекращения выделения уделов своим детям, он одновременно вел борьбу с самовластием удельных князей – своих братьев».

Высшую политическую власть князя олицетворяли его обязанности – законодательствовать, воевать, судить, управлять, собирать дань. Управлять государством князю помогала дружина – вооруженный конный отряд, находившийся на его содержании. Дружина состояла из опытных воинов – мужей и молодых дружинников – отроков. В дружинном товариществе князь выступал первым по крови среди равных по доблести. Дружина великого киевского князя и князей Рюрика дома делилась обычно на «старейшую», «большую», «переднюю», состоявшую из мужей «думающих», и «младшую» – мужей «хоробрствующих». Эти два слоя отличались один от другого возрастом, знатностью, богатством, а соответственно и влиянием на князя.

С X века дружины делились на гридей – отроков и бояр, занимавших ведущее место после князя в государственном управлении. Звание боярина имели потомки родоплеменной знати, крупные землевладельцы и известные воины – «сильнейшие люди страны». Земские бояре назывались по именам городов – черниговские, киевские, полоцкие. Княжеские бояре за свою службу князю – поручения по суду и управлению – получали в «кормление» села и города. Кормление – способ содержания должностных лиц за счет местного населения, обязанного содержать их – «кормить» в течение всей службы. Система кормлений просуществовала несколько веков.

Князья, получая свой стол, обычно соединяли собственную дружину с дружиной отца и братьев. С пятилетнего возраста князя обучали военному делу, тогда же к нему «прикрепляли» таких же пятилетних ребят – детей бояр и отцовских дружинников – обычно их было несколько сотен.

Вполне возможно, что вступление в дружину сопровождалось магическими ритуалами. Дружина постоянно находилась при князе и разделяла с ним все тяготы. Между дружиной и князем существовало нерасторжимое единство, и за содеянное «ближними мужами» князь отвечал, как за собственные поступки. Связанные взаимными обязательствами князь и дружина составляли основу древнерусской государственности. Князь совещался, «думал» с дружиной и принимал решения о походах, сборе дани, строительстве городов, по важным общественным делам, обращался к народу, предавался увеселениям. Дружина существовала за счет добычи от завоевательных походов, отчислений от дани, судебных сборов, доходов от волостей. Члены старшей дружины постепенно получали землю, создавали собственное хозяйство, ослабляя свои связи с княжеским двором.

Княжеский двор являлся центром княжеской вотчины, и состоял из хором, в которых периодически жил князь, домов его слуг высшего ранга, помещений для второстепенных слуг, жилищ смердов, рядовичей и холопов, охотничьего дома, конюшен, скотных и птичьих дворов. Во главе княжеской вотчины стоял боярин-огнищанин («огнище» – очаг), обычно младший княжеский дружинник, «княжеский муж». На его ответственности лежало все хозяйство двора и его сохранность. При огнищанине имелся штат тиунов – управляющих.

Княжеский двор в X–XI веках считался сакральным местом, поскольку сам князь – носитель божественного начала, был наделен жреческими функциями. Княжеский двор являлся политическим, религиозным, административным центром, в котором князя «сажали на стол», проходили престижные пиры. Многие члены младшей дружины, находившейся при князе, становились слугами княжеского двора. Вся государственная жизнь находилась под контролем дружинной администрации – «серебром и золотом дружины не приобретешь, а с дружиной можно достать и золота и серебро».

Занятие дружинниками хозяйственными и административными делами ослабляло бое-способность дружины, и во второй половине XII века на смену дружине пришел Государев двор со штатом военных слуг. Именно тогда началось образование дворянства.

Старшие дружинники занимали наиболее ответственные должности в княжеской администрации посадников, наместников, воевод, тысяцких. Они имели собственные отряды военных отроков, а свои должности передавали по наследству. В IX–XII веках дружинником мог стать любой человек, даже иностранец, и из младших дружинников дослужиться до княжего мужа или боярина. Княжеские бояре получали в награду за службу землю и сближались с земскими боярами, которые поступали на княжескую службу и сближались с княжеским двором.

Древнерусское городское ополчение – «тысячу» – возглавлял тысяцкий, выбиравшийся вече-м или назначался князем из числа знатных бояр.

В X–XII веках в земли, входившие в состав Древнерусского государства, из числа бояр князьями назначались посадники, представлявшие княжескую власть.

В Древнерусском государстве существовали три общественные группы, позднее получившие название сословий: высший, привилегированный слой земской аристократии и боярства; основная масса населения, называвшаяся люди – мужи, соединенные в общины, включая и смердов; лишенные прав рабы – холопы. На самом верху общества находилась дружина, из которой назначалась княжеская администрация и судьи. Существовал и церковный слой, не подчинявшийся князю, со своей иерархией.

Слой людей разделялся на горожан – посадских, купцов, ремесленников и сельчан – смердов и закупов. Холопы подчинялись не князю, а своему господину.

Люди – лично свободные члены общества в Древней Руси, не состояли на службе князя, но платили ему дань. Посадские люди составляли торгово-промышленное население городов, платившее налоги, торговые пошлины, несшие натуральные повинности. Сельчане жили в деревнях – небольших поселениях без церкви, и селах – административно-хозяйственных и церковно-приходских центрах боярского землевладения. Первоначально деревней называли место, очищенное от леса для нивы; слово происходило от корня «дар, драти» – пахать лесную новину.

Смердами в Древней Руси называлось все свободное сельское население, жившее на княжеской земле, государственные крестьяне.

Холопами являлись «домашние рабы», считавшиеся собственностью владельца и не имевшие ни гражданских прав, ни государственных повинностей, не платившие налогов. Холопами становились обездоленные люди, в результате преступления, вступления в должность тиуна без договора, женитьбы на холопке, в результате холопства родителей.

Историк С. Ф. Платонов писал о Древнерусском государстве:

«В единой земле, в едином обществе не было единой политической власти, – Русью владел многочисленный княжеский род. При запутанности родовых и семейных счетов из-за старшинства или из-за каких-нибудь обид, князя часто затевали усобицы и втягивали население в междоусобную войну. От этих усобиц страдали люди».

В 1060 году тридцатилетний Всеслав Брючиславич вместе с Изяславом, Святославом, Всеволодом ходил в поход на половцев, торков. Это был единственный совместный поход. Современный белорусский историк П. Г. Чигринов писал в «Очерках истории Беларуси», вышедшей в Минске в 2004 году:

«Современникам Всеслав был известен еще и как князь Чародей. Неуемная энергия Всеслава, проявленная в борьбе с киевскими князьями, его успехи произвели на современников такое сильное впечатление, что появилось предание, будто бы родился он от волховства и что в связи с этим у него на голове было родимое пятно («язвено»), которое имело особую чудодейственную силу. Всеслав считался сверхъестественным человеком, чародеем даже среди образованных людей того времени. Легенды о нем стали распространяться среди народа, попали в письменные памятники – летописи и даже в «Слово о полку Игореве».

Певец «Слова» писал об окутанном легендами Всеславе Чародее:

«Князь Всеслав народу суд давал
И рядил князьям города.
А сам волком рыскал в ночи.
Кидался из Киева к Тмутаракани
И перерыскивал волком дорогу великому Хорсу.
В Полоцке стольном ему позвонили к заутрене рано
В колокола у Софии святой,
А он в Киеве слышал благовест тот».

Киевский Изяслав, черниговский Святослав и переяславский Всеволод отстранили от власти династию смоленских князей, посадив там «своих людей». В Новгороде также сел

князь, поставленный триумвиратом. Смоленские князья обратились за помощью к Всеславу. Полоцк окружили города, где властвовали Ярославичи – Псков с севера, Новогрудок с киевским наместником – с запада, с юга – Киев, с востока – Смоленск. Всеслав ждал и нападения на Полоцкое княжество. Историки пишут, что он решил «предупредить» Ярославичей – нападением на Псков.

В 1065 году войска Всеслава осадили Псков, но город не взяли или не стали брать. Из Новгорода (или Новогрудка) на помощь Пскову вышел сын Изяслава Киевского Мстислав. Новгородского ополчения он не имел – возможно, новгородцы не очень хотели помогать киевскому наместнику. На реке Чарэсе Всеслав разбил Мстислава и тот ушел в Киев к отцу. Всеслав отошел от Пскова к Копыси, где занимался устройством войска и ждал Ярославичей – здесь был самый короткий путь из Киева в Полоцк. Триумвират не пошел на Всеслава – их войска были заняты войной с Ростиславом Тмутараканским – князем, выбитым ими из Новгорода. Это был сильный, мужественный князь – послу византийского императора в 1066 году удалось его отравить. Некоторые историки пишут, что византийцы «старались» для Ярославичей – смерть Ростислава Тмутараканского лишила Всеслава Полоцкого очень сильного союзника. Тут же после смерти Ростислава триумвират посадил в Тмутаракани сына Святослава Черниговского – Глеба.

Войско Всеслава Вещего двинулось на Новгород – «вонзи стрекала и отвори врата Новуграду». Оставлять город за собой Всеслав не стал, полочане взяли много пленных и ограбили Новгород. Новгородцы наверно вспоминали, как их войско в 980 году во главе с Владимиром Святославичем вырезало Полоцк и почти уничтожило династию полоцких князей – если бы не мужество и самоотверженность дочери убитого князя Рогволда, сумевшей восстановить династию в Полоцке, княжества на Двине давно бы не существовало.

В начале 1067 года дружина Всеслава Брячиславича выбила киевлян из Новогрудка. На Полоцкое княжество двинулись Ярославичи с объединенным войском. Зимой 1067 года ими был уничтожен город Минск:

«Три Ярославича – Изяслав, Святослав, Всеволод, – собравши вместе войско свое, двинулись на Всеслава, когда была великая зима, и пришли до Менска. А менчуки закрылись в городе, и братья взяли Менск, убили мужчин, а женщин и детей забрали как добычу и пошли к Немиге. Всеслав тоже выступил против, и встретились на Немиге месяца марта в третий день, пошли одни против других. И был снег великий, и была сеча лютая, и погибли многие. И перемогли Изяслав, Святослав и Всеволод, а Всеслав ушел».

На реке Немиге при впадении ее в реку Свислочь стоял небольшой детинец – именно там теперь располагается современный Минск. Битва на Немиге произошла именно там. Автор «Слова о полку Игореве» писал:

«На Нямізе снопы стелют головами, молотят чеки харалужные, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровавее брезе не Бологом бяхуть посеяны, посеяны костмы русских сынов».

Великий белорусский поэт Янка Купала перевел отрывок о битве на белорусский язык:

«На Нямізе снапы сцелют
Галовамі,
А малоцяць жа стальнымі
Іх цапамі.
На таку жыццё кладзецца

Неспадзейна,
І душу ад цела веюць
Безнадзейна.
Берагі ў крыві Нямігі
Па калені;
Не дабро на іх пасеяў
Сейбіт жменяй.
А былі яны гусценька
Ў процьмах вузкіх
Там засеяны касцямі
Сыноў рускіх».

С. В. Тарасов писал о результатах битвы:

«Полочане отступили. Но они не были побеждены, как не были победителями и Ярославичи. Войска отошли от того места, где встретились. Погибло столько воинов, что ни биться дальше, ни догонять отступивших ни у кого не было сил. Летописное «Всеслав убежал» не что иное, как констатация факта: Всеслав первым «прибежал» к Немиге и первый от нее отошел! Самым ярким доказательством безрезультатности для обеих сторон битвы на Немиге (а в первую очередь для братьев – триумвиров) стало то, что уже через четыре месяца Ярославичи запросили Чародея на переговоры».

Всеслав отступил к Полоцку, Ярославичи отошли к Орше. В июле 1067 года Ярославичи позвали Всеслава на переговоры в Оршу, поклявшись на кресте, что ему гарантирована полная безопасность – «прийди к нам, не сделаем тебе ничего злого». В те суровые времена нарушить крестоцелование считалось клятвопреступлением. 10 июля в шатре Изяслава Киевского Всеслав и его два сына были схвачены, отвезены в Киев и брошены в земляную тюрьму – поруб. В Полоцке братья посадили наместником сына Изяслава Мстислава, незадолго до того разбитого Всеславом на реке Черэсе. Династия полоцких князей могла исчезнуть, а их княжество потеряло бы суверенитет.

Четырнадцать месяцев Всеслав с сыновьями просидел в земляной яме. Ситуация в Киеве к тому времени резко изменилась. Современный белорусский историк В. К. Чаропка писал в работе «Имя в летописи», вышедшей в Минске в конце XX века:

«Из бескрайних азиатских степей пришла новая беда – половцы. Как и хазары, и печенеги, и торки, огненным смерчем ворвались они в Южную Русь. В 1068 году Ярославичи выступили против половцев. На реке Альте 15 сентября в жестокой сече братья были разбиты и едва спаслись позорным бегством. Это и вызвало гнев у киевлян. Собравшись на вече, они обратились к Изяславу: «Половцы разошлись по земле; дай, княже, оружие и коней, еще побьемся с ними». Куда более половцев боялся Изяслав своего народа: а вдруг оружие поднимут против него? Тогда не быть ему киевским князем. Князь отказал киевлянам – и как масла в огонь подлил. Киевляне восстали. Этим воспользовались полочане, которые были в городе, и призвали восставших: «Пойдем, освободим дружину свою из поруба».

Киевляне бросились к княжескому двору, где в порубе сидел Всеслав. Бояре сказали Изяславу: «Пошли к Всеславу, пусть его позовут к окну и убьют мечом». Легко было давать совет: убей князя! Всеслав был популярным среди киевлян. Помнят они, как забыв крестоцелование, захватил Изяслав полоцкого князя. За этот грех послал на Русь Бог поганых.

Убей князя – и киевляне в гнев самого убьют. Изяслав не отважился осуществить боярский совет, решил сам, пока жив и здоров, унести ноги из Киева. А Всеслава под приветственные крики киевлян вызволили из неволи и объявили великим князем киевским».

«Повесть временных лет» писала:

«Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог показал силу креста, ведь Изяслав целовал крест, а после схватил Всеслава, из-за этого и наслал Бог поганых, а Всеслава явно спас святой крест, ведь в день Вознесения Всеслав сказал: «О, святой крест! Я верил в тебя, поэтому ты и вызволил меня из этой ямы».

Через полгода Изяслав Ярославич, Получив войско от польского короля Болеслава Храброго, пошел на Киев. Всеслава, как великого киевского князя, не поддержало киевское боярство, не подчинились и другие князья. Всеслав с дружиной и народным ополчением вышел навстречу Изяславу. До битвы не дошло – Всеслав, очевидно, не захотел крови, а, возможно, понимал, что ополчению не победить кованую рать. Ночью он ушел в Полоцк. Изяслав без боя вошел в Киев. С. В. Тарасов писал:

«Будучи одновременно и киевским и полоцким князем, Всеслав не мог избежать того, против чего выступал всю жизнь – центристской политики. Волей судьбы он оказался перед весьма сложным выбором: как одновременно быть князем двух княжеств, фактическим господином больше, чем половины восточнославянской земли, и вместе с тем не конфликтовать с другими князьями. Он, который защищал независимость Новгорода и Смоленска, Полоцка и Тмутаракани, вдруг стал единоличным хозяином огромных земель. Всеслав имел косвенные права на Киев, оно они были настолько относительные, что он сам никогда не стремился их осуществить. Чародея поддержали киевляне, но этот эмоциональный порыв в значительной степени был подогрет самими полочанами. Где гарантия, что подобное не повторится, и он снова не окажется в порубе?

На протяжении всей истории мы наблюдали у полоцких князей обостренное чувство родины, отчизны. Не могло оно обойти и Всеслава».

Всеслав покинул и Полоцк под давлением войск Изяслава – у него не хватило воинов отбить объединенное киевско-польское войско, а резни он не хотел. В Полоцке сел княжить Мстислав, затем Святополк, брат Мстислава. Они княжили недолго, каждый по году.

Всеслав набрал воинов в финском племени водь, – некоторые историки говорят, что из него происходила мать князя. В октябре 1069 года войско Всеслава встало у стен Новгорода, а не Полоцка – возможно водские воины поставили условием похода на столицу Полоцкого княжества грабеж Новгорода. 26 октября в большом бою новгородцы разбили Всеслава – «воджанам была великая сеча и погигло их без числа». Всеслав Вещий и сам попал в плен, но был сразу же отпущен. Княживший в Новгороде сын Святослава Черниговского Глеб никогда бы этого не сделал. Очевидно, Всеслав пользовался таким авторитетом и уважением народа, что именно новгородцы отпустили его. В. Чаропка писал об этом:

«Еще в 1015 году новгородский князь Ярослав Владимирович отказался платить Киеву дань, однако Киев в этом конфликте сильнее. Мечта же быть независимым и самостоятельным не оставляла Новгород. Только могла бы она осуществиться, если бы Киев захватил Полоцк и реально

угрожал наложить руку и на ту призрачную, но все же самостоятельность Новгородской республики. Новгородцам был нужен союз с Полоцком для борьбы с Киевом. Тут интересы новгородского и полоцкого боярства совпали. Поэтому и отпустили новгородцы своего пленного».

Через два года, в 1071 году, Всеслав, во главе войска из варягов, литовцев, эстов, семигалов стоял под Полоцком – «выгнал Всеслав Святополка из Полоцка». Изяслав с войском послал своего сына Ярополка вернуть Полоцк, но сил хватило только на один бой, недалеко от Минска. Войска разошлись по домам. Всеслав вновь вокняжился в Полоцке и стал укреплять и приводить в порядок земли. За четыре года киевские наместники сильно разорили и Полоцк и Полоцкую землю. Историк В. М. Игнатовский писал:

«Усердно работал князь над улучшением Полоцкой земли, охранял ее от натиска соседей, и нападая на соседние, особенно киевские, земли. Не знал он за всю свою долгую жизнь, что такое свободное время и отдых. Откуда только взялось столько политического разума, хитрости и неиссякаемой энергии у этого труженика древней старины? Этот вопрос интересовал и современников Всеслава. Современники не могли этого понять и не могли согласиться с тем, что это обычный, простой человек, как все. Разве может простой человек иметь такую энергию, мощь и быстроту? Народ был уверен в том, что Всеслав имеет необычную силу, что он колдун, чародей, что он, например, может рыскать серым волком через сотни верст. Ходило среди народа предание, что и родился он от волшебства. Своим умом, своим непокорным, сильным духом князь-волшебник надолго остался в народной памяти».

В 1073 году Всеслав участвовал в конфликте триумвиров. К нему с предложениями о союзе обращались и Изяслав Киевский, и Святослав Черниговский. Триумвират распался, «Изяслав же пошел в ляхи с добром многим и с женой, надеясь на богатство великое и говорил: «Этим найду я воинов». Он даже сумел на короткое время через несколько лет занять киевский стол, но почти тут же погиб – в 1078 году. Киевом с 1073 по 1076 год правил ставший великим киевским князем Святослав Ярославич.

Пять лет мирной жизни полностью использовал Всеслав Вещий – его Полоцк, его земля расцветала и хорошела с каждым годом. Современный белорусский историк А. А. Марцинович писал в работе «Зерно к зерну», вышедшей в Минске в 1996 году:

«С силой Всеслава уже не могли не считаться, как и не могли не признавать его власть. Дань ему платили даже предки современных латышей. Породниться с полоцким князем за честь считал византийский император, взявши в жены его дочку. Со всех концов приезжали в город на Полоте купцы. Их привлекало гостеприимство здешних людей, их состоятельность, что в торговле очень важно, поскольку всегда найдутся потенциальные покупатели. Да и сам князь любил встречаться с торговцами, поговорить с ними о жизни, просил привозить больше товаров. Не забывал и про книги.

Само управление в княжестве происходило, используя современные термины, демократическим путем. Князь стоял во главе войска, однако воевать или не воевать, решало городское вече. Вообще, оно имело немалые по тем временам права. Давало разрешение на войну или отказывало в ведении боевых действий. Вече могло спросить у князя, почему он проиграл

битву. Интересовалось оно и какой ценой одержана победа. Если большой и дорогой, выясняло, почему... Вече посылало посольства в другие страны, решало многочисленные проблемы повседневной жизни».

Мирная жизнь Полоцкого княжества закончилось в 1076 году. Всеволод Ярославич, ставший великим киевским князем, и его сын, черниговский и смоленский князь Владимир Мономах, объединив военные силы чуть ли не всей Южной Руси, двинулись на Полоцкое княжество. Историк П. Г. Чигринов писал:

«В течение нескольких лет Всеслав, стремясь ограждать свои земли от притязаний со стороны киевских князей, всемерно укреплял могущество Полоцкого княжества. С конца 70-х годов XI века в борьбу с полоцкими князьями включился Владимир Мономах, тогдашний князь черниговский и смоленский, что придавало этой борьбе исключительно напряженный и жестокий характер. Много раз под руководством Владимира Мономаха соединялись южнорусские князья, чтобы подчинить центральной, великокняжеской власти полоцкие земли.

Ярославичи стремились любыми средствами обескровить, ослабить Полотчину. Этому способствовал тот факт, что отец Владимира Мономаха, Всеволод, занял в то время киевский престол и этим самым «переемь всю власть русскую», в Новгороде «сидел» Святополк Изяславич – давний враг Всеслава Полоцкого. Как видно, Полоцкое княжество оказалось почти в окружении».

После смерти Святослава Ярославича опять началась стихшая было резня за княжеские столы. Его сыновьям – Роман Святославич княжил в Тмутаракани, а Олег Святославич на Волыни – их дядя Всеволод Ярославич предложил отдать свои столы. Олегу Святославичу, например, было предложено уехать в маленькое Муромское княжество. Все недовольные князья собрались в Тмутаракани, пока Всеволод пытался забрать их родовые земли. Недовольных князей поддержал Всеслав Чародей. Именно поэтому Владимир Мономах в 1077 году попытался взять Полоцк – ему это не удалось. Он, как обычно, разграбил округу. В 1078 году Владимир Всеволодович решил кончать с Полоцким княжеством, впервые в славянской истории позвав в поход извечных врагов Киевской Руси и всего Древнерусского государства – половцев. Однако даже с насильниками, столько лет уничтожавшими мирное население, Мономаха опять постигла неудача – воинское искусство Всеслава и мужество полочан свели на нет весь «союзнический» поход. В. Чаропка писал:

«С Полоцком срочно нужно было кончать. Владимир Мономах собирает громадное войско, какого со времен Святослава Игоревича не было на Руси. Все военные силы Южной Руси, новгородская дружина князя Святополка (которого некогда Всеслав выгнал из Полоцка) и половецкая орда зимой 1078 года пошли на Полоцк. Когда-то с такой силой Олег принудил Византию к покорности, повесил свой щит на ворота Константинополя. Наверно, Мономах тешил себя надеждой, что Полоцк доживает последние дни своей независимости. Однако и на этот раз оказались бессильными против Полоцка Мономаховы рати. Снова Всеслав оборонил столицу своей державы. В гневе Мономах сжег полоцкие предместья, а возвращаясь домой в Чернигов, камня на камне не оставил от Одрска. Этот город так и не возродился к жизни. За такой жестокостью пряталось бессилие Киева. Годы

борьбы с непокорным Всеславом не принесли желанной победы. Змей, который был готов проглотить Полотчину, обломал на ней свои зубы».

Весной 1078 года недовольные Святославици и союзные им князья пошли в поход на Чернигов, владения Мономаха. В сентябре 1078 года в бою на реке Соже они разбили киевские и черниговские войска во главе с Всеволодом Ярославичем. В Чернигове стал княжить Олег Святославич, Мономаху остался Смоленск. С. В. Тарасов писал:

«При всем желании Мономах ничем не мог помочь своему отцу. И единственной силой, которая его в то время сдерживала, мог быть только Всеслав Полоцкий со своим войском. Одновременный удар по Чернигову с севера и юга стал бы концом для всех Всеволодовичей, в результате которого они б уже никогда не поднялись. Поэтому Мономах вынужден был сидеть в Смоленске и сдерживать угрозу со стороны Всеслава Чародея».

Осенью 1078 года должны были произойти решающие события. Святославици выступили против Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха, Всеслав осадил Смоленск. Смоленск был взят и сожжен, но в битве на Нежатиной ниве в октябре 1078 года Святославици были разбиты Ярославичами. В битве с обеих сторон погибло несколько князей. Мономах помчался в Смоленск, оттуда на Полоцк, города опять не взял и разорил округу – «пожег землю, повоевав до Лукомля и до Логожска, и на Друцк воюя». Последний поход на Полоцкое княжество Владимир Мономах совершил через шесть лет – в 1084 году, опять наняв половцев, он изгоном взял Минск – форпост полоцкой земли. Позднее, в своем «Поучении» потомкам Мономах сам писал об этом штурме: «На ту осень идохом с черниговцы и с половцы, с чатеевичи, к Менску: изыхахом город, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины». После этого Мономах отступился от Полоцкого княжества, понимая, что Всеслава ему не победить. Двадцать лет никто не «трогал» Полоцкие земли.

Княжество росло, сильнело и расцветало. Именно в это время оно достигло вершины своего могущества. По размеру оно равнялось многим европейским государствам, в нем было более десяти городов-крепостей – Минск, Витебск, Заславль, Орша, Копысь, Усвяты, Браслав, Лукомль, Друцк, Логойск, Борисов, Городец, Кривич. Власть Полоцка и Всеслава распространялась на Нижнее Подвинье до Балтийского побережья. Вассалы Полоцка находились в Герсике и Кукейносе. Позднее в полоцких землях была создана даже своя денежная и весовая системы. В 1097 году князья Киевской Руси, по-прежнему резавшиеся между собой, собрались в Любече на съезд, где решили, как обычно ненадолго, что «каждый да держит отчину свою». Всеслав не приехал – он и так всегда охранял и держал свое, Полоцкое княжество. Съезды князей по разделении сфер влияния собирались в 1100 году в Витичеве, в 1103 году, в другие годы – междоусобицы не прекращались.

Князь Всеслав Брячиславич Полоцкий умер в 1101 году – «В лето 6609 (1101) преставился Всеслав, Полоцкий князь, месяца апреля в 14-й день, в 9-й час дня, в среду».

Во время княжения великого киевского князя Владимира Мономаха была написана в Киеве «Повесть о Всеславе Полоцком». Летописям самого Полоцкого княжества сохраниться не дали.

«В год 6529 (1021). Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захвативши новгородцев и их имущество, пошел к Полоцку. И когда пришел он к реке Судомир, Ярослав из Киева на седьмой день тут догнал его. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев вернул в Новгород, а Брячислав побежал к Полоцку.

В год 6552 (1044). В этот год умер Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава и Всеслав, сын его, сел на его княжеском столе

в Полоцке. Мать же его родила от чародейства. Когда мать его родила, на голове его была сорочка. И сказали предсказатели его матери: «Эту сорочку повяжи на него, пусть носит ее до смерти». И носит ее на себе Всеслав и сегодня, потому и немилостив он на кровопролитие.

В год 6574 (1066). Пришел Всеслав и взял Новгород с женщинами и детьми и колокола снял со святой России. О, великая беда была в то время!

В год 6575 (1067). Взял рать в Полоцке Всеслав, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав и Всеволод, собравши воинов, пошли на Всеслава в лютый мороз. И подошли они к Менску. И закрылись мяняне в городе. Братья же взяли Менск, перебили всех мужчин, а женщин и детей взяли в полон и пошли к Немиге. И пошел Всеслав против их. И встретились противники на Немиге месяца марта в третий день, был снег великий, и пошли один на одного. И была лютая сеча, и многие полегли в ней, и победили Изяслав, Святослав и Всеволод. Всеслав же убежал.

После этого месяца июля в десятый день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловавши крест святой Всеславу, сказали ему: «Прийди к нам, не сделаем тебе ничего злого». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в лодке через Днепр. Когда же Изяслав вошел первый в шатер, тут схватили Всеслава, на Орше около Смоленска, преступивши крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его и двух сыновей в тюрьму.

В год 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, множество половцев. Изяслав же, Святослав и Всеволод вышли против их на Альту. И ночью пошли один на одного. За грехи наши наслал Бог на нас поганых, и побежали русские князья и победили половцы.

Когда Изяслав со Всеволодом побежали в Киев, а Святослав в Чернигов, тогда киевляне прибежали в Киев, собрали вече на рынке и послали к князю сказать: «Вот половцы рассеялись по всей Русской земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще повоюем с ними». Однако Изяслав не послушал этого. И начали люди нарекать на воеводу Коснячка, пошли на гору с веча и пришли на двор Коснячка и, не найдя его, встали у двора Брячислава и сказали: «Пойдем вызволим дружину свою из тюрьмы». И разделились они на две части: одна половина пошла к тюрьме, а другая половина пошла по мосту и пришла на княжий двор. Изяслав же в этот час на сених рядился с дружиной своей. И начали спорить с князем люди, стоя внизу.

Когда князь глядел из окна, а дружина стояла около его, сказал Изяславу Тука, брат Чудина: «Видишь, княже, люди кричат, пошли, пусть Всеслава охраняют». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от тюрьмы, открывши ее. И сказал дружина князю: «Злое учинилось; пошли к Всеславу, пусть, подозвавши обманом к окну, проткнут его мечом». И не послушал этого князь. Люди же закричали и пошли к тюрьме Всеслава. Изяслав же, увидев это, побежал с Всеволодом со двора. Люди же вызволили Всеслава из тюрьмы в 15-й день сентября и славили его посреди княжеского двора. Двор же княжеский разграбили, множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же убежал к ляхам.

Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог показал силу креста, потому что Изяслав целовал крест, а после схватил Всеслава, из-за этого и наслал Бог

поганных. Всеслава же явно спас святой крест, а в день Вознесения Всеслав, вздохнув глубоко, сказал: «О, святой крест! Я верил в тебя, поэтому ты и освободил меня из этой тюрьмы». Бог же показал силу креста для науки земли Русской, чтоб не преступали святого креста, поцеловав его. Когда же кто преступит, то и тут на земле будет покаран, и в будущем примет кару вечную. Велика сила святого креста: крестом бывают побеждены силы дьявольские, крест князьям в битвах помогает, крест оберегает в битвах, верующие побеждают супостатов, крест быстро спасает от напастей тех, кто просит его помощи, веруя. Ничего не боятся черти, только креста. Когда появляются дьявольские привидения, то, перекрестившись, их прогоняют. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

В год 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава, Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белграду, ночью же он тайно от киевлян ушел из Белграда в Полоцк. Изяслав же выгнал Всеслава из Полоцка и посадил в Полоцке своего сына Мстислава, он же вскоре умер там. И посадил Изяслав в Полоцке на его место брата Святополка. Всеслав же убежал.

В год 6579 (1071). В тот же год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Галичичаска.

1078. Всеслав Смоленск спалил, и я с черниговцами верхом с повозными конями помчался к Смоленску, и не застали его в Смоленске. В той погоне за Всеславом я сжег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, после на Друцк пошел войной и снова вернулся в Чернигов.

1084. В ту же осень ходили с черниговцами и с половцами чытаевичами к Менску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни животного.

В год 6609 (1101). Умер Всеслав, князь полоцкий, месяца марта в 14-й день, в 9 часов дня, в среду».

Выдающийся белорусский исследователь и писатель С. В. Тарасов писал:

«Всеслав был одним из тех первых князей, при котором Полоцкая земля заявила о себе как о независимой державе. Он был одним из первых во всей Восточной Европе, кто почувствовал перспективность и историческую необходимость развития относительно малых независимых государств. При Всеславе высокого расцвета достигли искусства, образование, зодчество. Христианство начало постепенно мирно входить в повседневную жизнь народа. Развиваются города, ремесла, торговля. Он укрепляет границы своего княжества – державы, но не забывает про насущные потребности разных народов, балтов, угро-финнов. Про полоцкого князя ходили слухи, предания, былины, писал о нем автор «Слова о полку Игореве».

Конечно, не все в жизни Всеслава Полоцкого было безупречным, ведь он жил в противоречивое и героическое время. Это не могло не отразиться и на его судьбе. Весь характер князя был, как клубок запутанных ниток. В нем переплеталось и белое, и черное. Даже такие краски, которые в принципе несовместимы, слились в один цвет. Они ошибался, кидался в крайности, временами утрачивал веру, чувство меры, изменял одной религии во имя другой, и, наоборот, терялся, немел от бессилия. Все было в его жизни. Но никогда Всеслав не изменял своей родине – Полоцкой земле, к ней возвращался из самых далеких походов и путешествий.

Говорят, что в XI веке белорусская народность еще не сформировалась, Полоцкое княжество лучше называть не белорусской державой, а государством на территории Беларуси. Но от этой словесной эквилибристики суть исторического явления не меняется. Полоцкое княжество – могучее и независимое государство, созданное волей народа и разумом князей, – было первое в Беларуси. Главная заслуга Всеслава Чародея в том, что он правильно понял и оценил объективные условия развития белорусских земель уже в XI веке. Его деятельность была направлена прежде всего не на разъединение с Киевом и Новгородом, а на консолидацию земель и народов в границах тогдашней Беларуси.

Политика Всеслава Чародея имела великие последствия. Небольшие княжества, разноэтничные племена, которые не имели больших городов, развитой политической системы, высокоразвитых ремесел, а значит, и торговлю, стремились к союзу с могучим соседом – Полоцком. В фундамент державы, кроме политики, закладывалась и культура.

Когда возводятся один за одним храмы, расцветают монастыри, действуют школы для юношества, растут города, – значит, все это обеспечено державой как политически, так и экономически. Создав государство, Всеслав Брячиславич заложил фундамент, на котором только и могла строиться дальнейшая судьба нашей земли и ее жителей. Фундамент политико-экономический стал фундаментом духовным – целью консолидации любого народа.

Наша история – неисчерпаемый источник вдохновения и духовности. Фигура Всеслава Брячиславича в ней – одна из самых ярких молний, первоначало познания собственного «я». Она привлекательная, она таинственная и благодарная. Так будет ли стоять памятник на улице имени Всеслава Чародея?

Это зависит только от нас».

Древнерусское государство просуществовало совсем недолго после смерти в 1125 году Владимира Мономаха. Его сын Мстислав, прозванный в летописи Великим, носил этот титул всего семь лет. Выдающийся историк С. Ф. Платонов писал:

«При сыновьях и внуках Ярослава Мудрого Киевское государство постепенно утратило свое единство и превратилось в ряд отдельных волостей, объединенных только тем, что у них была одна церковь и один княжеский род. Так как члены княжеского рода находились в постоянной вражде и междоусобице, то и волости, управляемые ими, не хранили мира между собой и чем далее, тем более питали взаимное отчуждение.

Последствием такого политического беспорядка был общий упадок Киевской Руси – и политический и экономический. Только что победившая печенегов Русь не могла собрать достаточно сил для борьбы с новым кочевым народом – половцами, которые появились в южных степях с середины XI века. Отлично пользуясь неурядицами на Руси, половцы «несли резню» в Русскую землю: грабили ее и мешали русской торговле, захватив все пути из Руси на восток и юг. Общее разорение и обеднение было результатом княжеских усобиц и половецкого разбоя, и Киевская Русь понемногу захирела и запустела. Уже к XIII столетию, всего лет 150 спустя

после смерти Ярослава, Киевское государство можно считать распавшимся на несколько частей, а самый Киев – запустевшим и обедневшим городом.

Причины политических неурядиц в Киевской Руси заключались в следующем:

Во-первых, установившийся после Ярослава Мудрого порядок княжеского владения и наследования был вообще очень сложен, а кроме того, и несправедлив по отношению к князьям-изгоям; поэтому всегда бывали князья недовольные, обделенные и обиженные.

Во-вторых, сильнейшие князья в отношении слабейших часто допускали прямые обиды и насилия: братья, например, изгнали слабого Изяслава из Киева; дяди обидели своих племянников Святославичей.

В-третьих, население, терпевшее от княжеских ссор, не хотело признавать княжеского старейшинства и не всегда повиновалось князьям: киевляне, например, изгнали от себя Изяслава, не пускали к себе Святославичей. Понятно, что при таких условиях правильное наследование столов стало невозможным и родовой порядок преемства власти должен был пасть.

Утверждение в Киеве Владимира Мономаха мимо его старших родичей повело к падению родового единства в среде киевских князей и обострило вражду между разными ветвями. После смерти Мономаха Киев достался не братьям его, а его сыновьям и обратился таким образом в семейную собственность Мономаховичей. После старшего сына Мономаха, очень способного князя Мстислава (1125–1132), в Киеве один за другим княжили его родные братья. Пока они жили дружно, их власть в Киеве была крепка; когда же у них начался разлад, то против них поднялись сидевшие в Чернигове князья Ольговичи (сыновья и внуки Олега Святославича) и не раз силою завладевали Киевом. Но Мономаховичи, в свою очередь, не желали отказаться от обладания Киевом и тем самым признать над собой старшинство Ольговичей. Разгорелась долгая и упорная борьба за Киев. Победа в ней осталась в конце концов за потомством Мономаха.

Но, побеждая Ольговичей, старшие Мономаховичи должны были бороться и со своею ближайшею роднею – Мономаховичами младшей линии. В конце концов Киев достался Андрею Боголюбскому – в 1169 году. Но к этому времени обстоятельства на Руси так переменились и Киев так явно склонился к упадку, что Андрей не пожелал сам сидеть в Киеве и остался в любимом своем Ростово-Суздальском краю. Киев же, ограбленный и сожженный его войсками, был передан одному из подручных Андрею младших князей.

Таковы были судьбы Киевского великокняжеского стола. Он был жертвою постоянных междоусобий, возникавших вследствие того, что родовые понятия князей не соответствовали правильному государственному порядку. Не умея выработать правильного наследования власти и помирить притязания разных ветвей многочисленного княжеского рода, князья для решения своих споров очень легко обращались к оружию и начинали междоусобия, «которые» и «коромолы», и в них «несли розно» Русскую землю, губили и свои, и земские силы. Во время борьбы за Киев в XII веке обнаружилось ясно, что княжеский единый род распался и что вместо него стало существовать несколько взаимно враждебных его ветвей, обратившихся как бы в особые роды. Все эти ветви желали владеть

Киевом как столицей единого когда-то государства и из своих гнезд силой добывали Киев друг у друга. Понятно, что при постоянной общей вражде киевский князь уже не мог быть на самом деле единовластным государем и не мог рассчитывать на общее ему повиновение. Его не слушались ни князья, ни отдельные города. Каждая семья князей имела своего отдельного старшего «великого князя». Каждый большой город, не желая быть жертвой княжеских смут, хотел сам устраивать свои дела и норовил вступить со своим князем в договор с целью охранить себя от княжеского произвола. Государство, словом, разлагалось и потому слабело и беднело. Вместо единой Руси образовалось много «волостей», разрозненных и взаимно враждебных.

Чем больше бывало у князей междоусобий, тем свободнее и удобнее могли половцы проникать на Русь. Иногда сами князья вмешивали «поганных» в свои распри и показывали им путь в Русскую землю, обращаясь к ним за военной помощью и натравливая их на своих врагов – русских же князей.

Князья продолжали ссориться, а половцы продолжали надвигаться на Русь. Наиболее близкое к степям Переяславское княжество во второй половине XII века было почти занято половцами, которые в нем уже «жили», а не только грабили его наездом. Степные дороги оказывались совсем во власти кочевников. Русь потеряла свои владения на Азовском море (Тмутаракань), так как пути к ним были заняты половцами. Только с большим трудом русские купцы могли добираться через степь до Черного моря, и потому торговля Руси с Грецией постепенно падала и, наконец, совсем замерла. А вместе с этим упало и прежнее значение Киева. Отрезанный кочевниками от южных морей, Черного и Каспийского, Киев уже не мог посредничать в торговле Европы с Востоком.

Киев беднел и глож. Население южнорусских княжеств, не находя от постоянных усобиц и разбоев ни безопасности, ни заработка, понемногу оставляло свои места и переселялось подальше от степи или на север, или на запад. Так совершалось постепенное падение Киевского государства, утратившего свое политическое единство и торговое оживление.

Понемногу и связь волостей с Киевом слабела и слабела; в XII веке Киевское государство снова превратилось в ряд волостей, или земель, друг от друга обособленных».

Киевская Русь распалась на Киевское, Черниговское, Переяславское, Смоленское, Галицко-Волынское, Владимиро-Волынское, Владимиро-Суздальское княжества, Новгородскую республику. К началу XIII века княжеств было уже полсотни.

Некоторые современные историки пишут, что существование сравнительно небольших государств эффективнее, чем жизнь больших государственных образований. Существовать могут, и благополучно, любые государства – однако, только если это позволяют соседи. Татаро-монгольское нашествие вполне доказательно объяснило, что бывает с государствами, более слабыми, чем нападающие.

В год смерти Всеслава Вещего у его младшего сына князя Юрия и княгини Софьи родилась дочь, названная Предславой. В историю Беларуси она вошла не только как внучка великого Всеслава – она стала Евфросиньей Полоцкой. «Исторические сведения о жизни

преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой», вышедшие в Петербургской синодальной типографии в 1841 году, сообщают:

«Узнав, что ее хотят обручить одному из прекрасных молодых князей, она решилась искать от суеты мирской убежища в женской обители, где начальствовала тетка ее, супруга князя Романа Всеславича. Благочестивая игуменья сначала противилась желанию Предславы, видя нежный возраст и опасаясь гнева отца, но уразумев звание ее от Бога, согласилась принять юную княжну, которая была облечена в Ангельский образ под именем Евфросинии».

По благословению епископа Полоцкого Илии Предслава, в 12 лет ставшая монахиней Евфросинией, поселилась в «голубце» Софийского собора – особой келье слева от алтаря Храма. Она стала переписывать церковные книги. Библиотека Софийского собора стала крупнейшим духовно-культурным центром не только Полоцкого княжества, но и всего Древнерусского государства. При соборе работала особая мастерская, переплетавшая и художественно оформлявшая книги. В соборе хранились уникальные документы, архивы княжества. Библиотека, летописи и архивы исчезли в годы Ливонской войны середины XVI века.

Около 1128 года Евфросиния поселилась при храме Преображения. «Исторические сведения» писали: «Вот я дают Евфросинии место святого Спаса на Сельце с тем, чтобы здесь был девичий монастырь, и никто из преемников да не изменяет сего моего деяния» – так сказал епископ Илия».

Евфросиния стала игуменьею Спасо-Преображенского монастыря – «туда приняла она младшую родную сестру свою Градиславу, дав ей имя Евдокии, и двоюродную, Звениславу, дочь князя Бориса, которая была наречена Евпраксиєю».

В 1161 году Евфросиния Полоцкая на месте деревянной церкви построила каменный Спасо-Преображенский собор, единственный памятник зодчества XII века в Беларуси, уникальный образец древнебелорусского зодчества. В том же году полоцкий мастер Лазарь Богша для этого храма изготовил знаменитый напрестольный крест, в котором находились святые реликвии – капли крови Христовой, частица древа Животворящего Креста Господня, частица камня от Гроба Пресвятой Богородицы, частицы мощей святых Пантелеймона и Стефана. Этот крест стал символом и реликвией Беларуси.

Спасо-Евфросиниевский Собор дошел до нас почти в первозданном виде – «здесь, из мирного убежища, сквозь маленькое круглое окно, устроенное в толстой стене, открывалось взору игуменье Евфросинии обширное пространство полей, лугов, отдаленных лесов и вид всего города с его церквями и родительским теремом».

В преклонных годах Евфросиния Полоцкая с братом и сестрой совершила паломничество в Константинополь Иерусалим. Именно в Иерусалиме она скончалась – 23 мая 1173 года и была погребена в русском храме. В 1187 году, при завоевании Иерусалима египетским султаном Саладином, мощи Евфросинии были вывезены русскими паломниками из Палестины. Сейчас мощи преподобной Евфросинии Полоцкой лежат в ее любимом городе. Выдающиеся труда деда и внучки – навечно в памяти белорусского народа.

Витовт Великий (1350–1430)

Часть I. Великое княжество Литовское до Витовта Великого. Гедимин. Ольгерд и Кейстут

К IX веку литовцы, впервые упомянутые в летописях в 1009 году, состояли из нескольких племен – литвинов, жмудинов, ятвягов. Прусы жили над Вислою и Неманом, жмудины – в устье Немана, собственно литовцы – в бассейне Вили, жемгола – на левом берегу Двины, куроны – на полуострове между Балтийским морем и Рижским заливом, летгола – латыши – на южном побережье Двины, ятвяги – между Западным Бугом и верховьями Немана. У литовцев почти не было городов. Выдающийся белорусский историк М. В. Довнар-Запольский писал в начале XX века:

«Все литовские племена жили в условиях родового быта, имея многочисленных родовых старейшин. Наша летопись и древнейшие немецкие хроники называют этих старейшин «князьями», насчитывают многие десятки их. Эти князья пользовались почетом и уважением литовцев, остальное население находилось у них в подчинении.

Ни торговлей, ни ремеслами литовцы не занимались и даже не имели поселений городского типа. Они жили в лесах, в бедных хижинах, занимались земледелием или бортничеством. Культурное их развитие стояло очень невысоко. Сведения о религии литовцев сохранились у позднейших писателей. Эти сведения придают литовской религии характер стройно выработанных религиозных представлений. Но в этих сведениях имеется немало домыслов позднейшего характера. Литовская религия отличалась такой же примитивностью, как и весь быт литвы. Они верили в Перкуна, бога грома и молнии. Вообще, они поклонялись силам природы. Они почитали ужей и насекомых, любили гадания, поклонялись духам природы. Литовцы имели жрецов, но рассказы позднейших писателей о значении жреческого элемента Литвы, являются большей частью вымышленными».

О «менном» периоде XI века писали многие исследователи, выдвигая свои версии. Историк конца XIX века белорус М. И. Коялович писал:

«Литовское племя занимает довольно удобную для жизни, большей частью плодородную страну – приеманскую. Народ этот разделяется на два племени: собственно литвинов и жмудинов. В старину литовский народ занимал большее пространство, чем теперь. В нынешней Пруссии жила особая ветвь литовского народа, пруссы, которых давили немцы. В западной России целая ветвь этого народа, так называемые ятвяги, жили в юго-западной части Гродненской губернии. Малороссийское племя в XIII столетии и польское в то же время и в XIV столетии теснили литовский народ с этой стороны и совершенно истребили ятвягское его племя. Литвины остались только в Приеманской стране до Балтийского моря. Но и здесь они не имели покоя. Их жестоко давили рыцарские ордена: Прусский и Ливонский. Таким образом, с разных сторон сжимали литовский народ. Эти обстоятельства выработали в литвинах ту особенность, что они

обыкновенно упираются против всего, часто даже не сознавая, почему они это делают. Стоит утвердить их в какой-либо мысли, и они защищают ее упорно, не давая себе отчета, почему упираются, чего добиваются».

Российский историк конца XIX века А. Барбашев писал:

«Древние летописцы и ученые до начала нынешнего столетия, интересуясь происхождением литовцев, сближали их с самыми различными народами: с герулами, с аланами, с немцами, с римлянами, с гелонами и будинами, со славянами. В настоящее время ученые пришли к тому заключению, что литовцы образуют особую ветвь арийского племени, как славяне, германцы и романские народы. Вместе с другими арийцами литовцы оставили Азию и поселились в восточной Европе, в бассейне реки Немана. Название «Литва» происходит от корня *lit* (*lytus* – дождь, *lietas* – проливной) и означает болотистую, сырую страну.

Населяя болотистую и лесистую страну, литовские племена жили главным образом охотой и рыболовством, занимались пчеловодством. Коневодство составляло видную отрасль домашнего хозяйства; кумыс, как и мед, был любимым напитком литовцев. Земледелием занимались мало, более обращали внимание на разведение овощей и льна. Ремесла находились в первобытном состоянии; как льняные одежды литовцев, так и их хижины или «нумы» были бедны и просты. Городов не было. В обмен на произведения своей страны литовцы получали от соседей медные и железные изделия, – косы, серпы и особенно оружие. Приморские племена имели свои лодки, и племя Корс отличалось не только торговлею, но и морскими разбоями.

По свидетельству средневековых писателей литовцы представляются людьми крепкого сложения, с белой кожей, румяным овальным лицом и голубыми глазами. Были очень воинственны. В домашнем быту отличались гостеприимством; бедный свободно заходил в каждый дом и ел, сколько хотел. Жен себе покупали и обращались с ними, как со служанками. Родовая месть была в полном ходу, – если случалось убийство, то не могло быть никакой сделки, пока родственники убитого не убьют убийцу или его родственников. Верили в загробную жизнь, которую считали продолжением земной; мертвых сжигали с имуществом.

Население Литвы делилось на свободных и рабов. В рабы поступали военнопленные, должники и добровольно продавшие себя из-за голода. Из свободного населения выделялись некоторые роды, владевшие большим количеством земель и рабов. Из таких богатых родов выходили местные князья или кунигасы. Наравне со знатными родами, пользовались большим вниманием жрецы. В политическом отношении литовские племена делились на мелкие волости, во главе которых стояли князья или старейшины. Единство литовского племени выражалось в религии и языке.

Религия литовцев во многом похожа на религию славян. Высочайшим божеством всего литовского племени был Перкунас (Перун); проявление которого – гром (и теперь литовцы говорят о громе: «*Perkunas graieja*»). Эпитеты его – «дедушка», «старец». Память о нем сохранилась в литовских песнях, пословицах и заговорах (в одной песне говорится, что у батюшки Перкуна девять сыновей: трое ударяют, трое гремят и трое бросают

молнию). И в Жмуди, и в Литве, и в Пруссии поддерживались неугасимые огни (зничь) в честь Перкуна.

Над водами вообще и в частности над морем господствовал бог Атримпос. Третье высшее божество – Поклус владычествовал в царстве смерти и мрака. Солнце, луна и звезды тоже служили предметами почитания. Богам посвящались некоторые животные, луга, леса, воды и известные дни в году.

Жрецы или вайделоты были довольно многочисленны, отличались особой одеждой (с белым поясом), но не составляли особой касты; они разделялись на несколько степеней; высшая степень – креты. Обязанность жрецов – жертвоприношения, гадания, заклинания, лечение; креты были кроме того смотрителями святилищ и народными судьями. Особенной известностью пользовался у западных летописцев криве, живший в Пруссии, в место Ромове, где стоял идол Перкуна. По мнению некоторых этот криве (или криве – кривейто) был верховным жрецом всех литовских племен, вроде папы.

О древнем литовском языке можно судить только по отдельным словам и выражениям, сохранившимся в летописях немецких и русских; письменности у литовцев не было. С XIII века литовцы усваивают русскую письменность. Письменность на литовском языке появилась только в XVI веке – лютеранский катехизис Мартина Мосвидия в 1547 году и католический Николая Даукши в 1595 году.

В польских и немецких хрониках XVI и XVII веков мы находим литовские мифы о солнце, о богине Лайме (судьба), героические легенды о Полемоне.

Полеймон – римский выходец, который с 500-ми воинами прибыл на берега Немана и здесь основал литовское княжество. Его три сына: Боркус, Кунас и Сперо разделили между собою литовскую землю. Но Боркус и Сперо скоро умерли, а Кунас наследовал их земли. Сын его Керн построил город Кернов, где утвердил столицу; после него литовская земля раздробилась на уделы».

Российский историк П. Н. Батюшков писал о «начале Литвы» в конце XIX века:

«До половины XIII века литовское племя не имело городов и не составляло государства. Оно представляло рассыпанную массу небольших волостей, управлявшихся независимыми вождами, без всякой государственной связи друг с другом. Народы литовские объединялись только единством происхождения, языка и быта, тождеством преданий и языческой веры, общими для всего племени святилищами и общим сословием жрецов, состоявших под управлением одного верховного жреца Кривее – Кривейто. Бедность и дикость Литвы побуждала ее иногда предпринимать мелкие набеги на более зажиточных соседей, то есть Русь и Польшу.

По разделении Руси на уделы борьбу с Литвой вели преимущественно князья волынские и полоцкие. Хотя кривские торговцы и поселенцы продолжали проникать в литовские земли, но сама Полоцкая земля, ослабленная недостатком прочной единой власти, раздроблением Полоцкого княжества на мелкие уделы и внутренней борьбой князей и уделов между собой, во второй половине XII века уже много терпела от литовских набегов

и разорений. Литовцы, беспрестанно призываемые русскими князьями на помощь среди их взаимных междоусобий, начинают все чаще и чаще появляться в Полоцкой Руси то как союзники, то как враги отдельных князей. Литовцы постепенно втягиваются во внутренние дела Полоцкой земли, знакомятся с ее положением и военным искусством русских, свыкаются с мыслью о ее слабости и внутреннем неустройстве. С конца XII века они уже не ограничиваются участием в полоцких междоусобиях, но предпринимают походы на Русь с целью приобретения военной добычи, а затем и с целью захвата земель».

Российский историк В. Ф. Воеводский писал в начале XX века:

«По наблюдениям ученых, трудно найти народ, который мог бы сравниться с литовцами некоторыми присущими им качествами, как например: ничем невозмутимым спокойствием духа, слепым подчинением фатуму и всем вообще превратностям судьбы, чему лучшей иллюстрацией служит общеизвестный факт, что еще во второй половине XVI века, осужденные на смерть отнимали себе жизнь собственными руками. Средневековые писатели изображали литовцев в домашнем быту общительными и гостеприимными, на войне же суровыми и хищными.

До XI века они преимущественно занимались звероловством и рыболовством и только изредка земледелием и скотоводством, указывающими на более культурный их рост.

До XIII века литовцы не имели городов – как объединяющих центров, так и объединяющей политической власти, отсутствие которой сказалось крайне тяжело, когда на границах литовской земли стали появляться славяне и немцы».

Белорусский историк В. М. Игнатовский писал в начале XX века:

«Живя в лесах, отгороженные от соседей болотами и озерами, литвины не могли развить такую культуру, которая была в то время у восточных и западных славян. Городов, как торговых центров, у них не было. Изредка можно было встретить города как стратегические центры, которые мало чем отличаются от деревень. Чаще всего литвины жили в деревнях, патриархальными семьями и родами. Во главе таких семей и родов стояли обычные старейшины, родоначальники или князья, которых литвины называли кунигасами. Летописи говорят, что таких князей у литвинов было много. Нам известно, что власть литвинских князей распространялась на незначительные по территории сельские околицы, однако на своей земле они руководили всем независимо один от другого. Они часто объединялись в союзы, но еще чаще шли междоусобные бои по причинам чисто местным, или родовым; иногда они соединялись для какого-нибудь союзного похода на соседей. Можно думать, что некоторые кунигасы были просто потомками родовых старейшин; другие избирались отдельными патриархальными обществами для того, чтобы встать во главе их в тяжелый час борьбы с другими такими же обществами; третьи пришли со стороны и силой установили свою власть, используя или свою экономическую мощь, или тяжелое положение отдельной литовской группы. Из летописей можно видеть, что отдельные литовские князья собирали вокруг себя охотников до наживы, организовывали нечто похожее на славянскую и германскую дружины и совершали нападения на соседние земли. Даже такой богатый и

сильный город, как Рига, не мог считать себя в безопасности от нападений литовских князей.

Мы можем уверенно сказать, что до начала XIII века в Литве не было и не могло быть единой государственной власти».

Литовские племена были окружены польскими, полоцкими землями, чувствовалось влияние Пскова, Новгорода и Смоленска. В конце XIII века в устье Вислы и Западной Двины появились ненцы. По соглашению с полоцким князем Владимиром монах ордена августинцев Мейнгард, посланный в 1185 году бременским архиепископом Гортвигом, начал крестить ливов. Следующий монах Бертольд был убит и на литовские земли пошли крестоносцы – мстить. В 1200 году из Бремена в литовские земли прибыл с большим отрядом крестоносцев епископ Альберт, начавший строить Рижскую крепость. В 1202 году был образован орден Меченосцев, действующий в Прибалтике. Крестоносцы прочно утвердились на эстонских и латышских землях.

Во второй половине XII века в землях бывшего Древнерусского государства существовали Новгород-Псковская земля, Владимиро-Суздальское княжество, Полоцко-Минская и Галицко-Волынская земли. В зоне их влияния на все более широком пространстве увеличивались набеги литовцев и крестоносцев. Если в 1162, 1180, 1198 году полоцкие и минские князья использовали литовскую военную силу в феодальных войнах, то в начале XIII века ситуация изменилась. Выдающийся советский историк В. Т. Пашуто писал в 1959 году в работе «Образование Литовского государства»:

«Утверждение нового общественного строя в Литве происходило в форме борьбы за установление феодальной монархии. Эта борьба, начавшаяся на коренной литовской земле, также распространилась на территорию Латвии, Пруссии, Белоруссии. Захват Белоруссии литовскими феодалами положил начало превращению небольшого Литовского государства в Литовское великое княжество.

Говоря об объединении литовских земель, надо, помимо внутренних, основных предпосылок этого процесса, иметь в виду также и внешнеполитические условия, которые в начале XIII века резко изменились и продолжали меняться с поразительной быстротой.

В 1201 году немецкие крестоносцы, обосновавшись на Двине, приступили к созданию здесь своих феодальных колоний. Разорение немецкими захватчиками Восточной Прибалтики и их вторжения в собственно литовские земли не только лишали значительную часть литовских нобилей выгодных источников дохода, но и создали угрозу их дальнейшему самостоятельному существованию. Литовские князья предпринимали настойчивые попытки уничтожить немецких рыцарей. Хроники полны сообщениями о набегах литовских войск на немецкие опорные пункты, включая и Ригу.

Уже епископ Мейнгард с первых же шагов столкнулся с литовцами: «в ближайшую зиму литовцы, разорив Ливонию, весьма многих увели в рабство». В дальнейшем литовцы, которые распоряжались в Подвинье, совершали походы в союзе с ливами на Ригу (1204 год), перехватывали на Двине немецких рыбаков (1201), послов епископа в Полоцк (1206), вредили рыцарям в Турейде (1206, 1207). Литовские отряды нападали на занятую рыцарями крепость Кокнесе (1210), на Трикауту и Леневарден (1213), угрожали Толове (1214). Во главе этих действий литовцев стояли

князя-нобили: это – «богатый и могущественный» Свельгате, это – *dux et principes* Стексе, и «множество других князей и старейшин (*princes as seniors*) литовцев».

Не имея необходимых сил и стараясь посеять вражду между народами, Орден до поры терпел походы литовских войск за традиционной данью в земли латышей и эстонцев. Уже в это время Орден не упускал случая нанести урон Литве, столкнуть с ней земгалов и латгалов. Наступление рыцарей на Восточную Прибалтику привело к сближению земгалов с Литвой. Сопротивление, оказанное крестоносцам со стороны эстонцев и латышей, долгое время лишало Орден возможности организовать вторжение в Литву, что имело для нее немаловажное значение.

Получая возрастающую поддержку Германии, Дании, Швеции и особенно папской курии, крестоносцы овладели Юрьевом (1224) и захватили острова Сааремаа и Муху (1227). Отношения с Литвой особенно обострились, когда Орден начал развивать наступление на земли земгалов и куршей».

Орден не успел – отряды крестоносцев встретили войска князя Миндовга.

Объединение литовских племен началось в конце XII века. К 1190 году сформировались племенные территории – Аукшайтия, состоявшая из собственно Литвы, Нальшеная, Дельтувы и Упите, и Жемайтия, включавшая Цеклие, Коршуву, Медининкай, Саулу и Кнетуву. В 1215–1219 годах был создан союз литовских земель, включавший Аукшайтию, Жемайтию, Дзукию и Ятвягию.

Великое княжество Литовское было создано аукшайтским князем Миндовгом в 1236–1242 годах. Волынская летопись впервые упоминает о литовском князе Миндовге – Миндаугасе в 1219 году:

«Бяху же имена литовских князей: се старейший Живинбуд, Давьят, Довспрунк, брат его Миндог, брат Давлялов Виликаил; и жемайтские князья: Ердивил, Выконт и Ружевичев, Кинтибуд, Вонибуд, Бутовит, Вижелк и сын его Вишлий, Китеней, Пликосова. А се Булевичи: Вишимут, его же уби Миндовг и жену его поял и братью его побих, Едивила, Спудейка. А се князи из Дяволтвы: Юдька, Пукеик, Бикши, Ликийк. Сии же вси мир Даша князю Данилову и Васильку – и бе земля покойна».

Волынская и Ипатьевская летописи упоминают о Миндовге начала 30-х годов XIII века:

«Бысть княжашу ему в земли Литовской и нача избивати братью свою и сыновце свои, и другие выгна из земли и нача княжити один во всей земле Литовской и, очень загордившись, никого не считал равным себе».

Российский историк конца XIX века А. Барбашев писал:

«С появлением немецких Орденов, неумоимо теснивших литовцев, последние поняли, что им не устоять без прочной государственной связи. Рыцари и их гости с каждым годом продвигались далее вглубь литовских земель, насильно крестили жителей, за сопротивление или отпадение от христианства обращали в рабство, покоренных же облагали тяжелыми налогами, лишали большей части земли в пользу немецких колонистов и подвергали железным тискам орденской администрации.

Ни полоцкие, ни поморские князья не имели достаточно силы, чтобы создать из разрозненных литовцев прочное государство. В тридцатых годах XIII столетия возвышается Миндовг, владетель области реки Вили, который и считается основателем Литовского государства. Его походы в

Черниговскую и Смоленскую область не имели важных результатов, но Полоцкие земли подчинились его власти».

Без белорусской военной силы противостоять Ордену Миндовг не мог. М. И. Коялович сто пятьдесят лет назад так писал о белорусских землях в XII–XIII веках:

«Природа, кажется собрала в стране Белоруссии все неудобные для жизни человека условия, чтобы дать бытие нескольким громадным рекам, благами которых большей частью пользуется не белорусское племя. В тех местностях, где много песков, болот, лесов, белорусы живут как будто на островах, между которыми иногда по несколько месяцев не бывает никакого сообщения.

Вследствие таких особенностей страны, белорусы жили небольшими, редкими группами. Исключение составляли их группы и даже полосы населения по рекам Двине и Днепру. Большую силу показали полочане не только в древние времена и в государственном строении, но и в последствии в области общественной. Полоцкое вече и вообще полоцкая община были из числа самых сильных русских вечей и общем даже в торговой борьбе с иноземными силами.

Белорусы (название от белой сермяги и белых барашковых шапок) – потомки древних кривичей и дреговичей. Кривичи населяли, по нашей древней летописи, пространство от тех местностей, где сближаются верховья Двины и Днепра в нынешней Смоленской губернии, и вниз по этим рекам на значительное пространство. Ими населен был весь треугольник в нынешних губерниях Витебской, Минской и Могилевской, образуемый верховьями этих рек, и немалое пространство по обеим его сторонам в нынешних губерниях – Смоленской, Витебской и Псковской, с одной стороны, и Смоленской и Могилевской – с другой.

На юго-западе в другом углу между Днепром и Припятью кривичи примыкали к дреговичам, у которых в XI веке был особенно известен город Слуцк, был еще и древний Туров. Кривичи и дреговичи, вероятно, не многим разнились и потому скоро слились в одно племя белорусов.

Нет сомнения, что также с древнейших, незапамятных времен кривичи и дреговичи, то есть белорусы, распространялись на запад в пределы верхних литовцев и ятвягов.

Самое раздробление на многие княжества и ослабление Полоцкой земли повели к важным, полезным в будущем последствиям. Белоруссия сильно колонизировалась в Литве и сближалась с ней. Почти до нашествия татар мы видим многочисленные нападения литовцев на псковские, новгородские и даже тверские местности. Забираться так далеко в русские области литвины могли не иначе, как через Белоруссию, следовательно, они здесь были уже свои люди, иначе не могли бы предпринимать через нее таких смелых походов в глубь России. Таким образом мы видим в Белоруссии два направления: одно из них притягивает ее к русскому востоку, к Смоленску, другое тянет ее на запад, в пределы Литвы, и подготавливает к соединению с Литвой.

Позднейшие западнорусские летописи относят к временам татарского нашествия основание литовской государственности в Новогрудке и даже в Полоцке. Современная наука показывает, что эти известия, неверные во многих частностях, не лишены, однако, основания и требуют тем большего

внимания, что в наших древних русских летописях несомненен пропуск многих известий и даже имен белорусских князей. Но и в этих летописях есть указание на то, что литовская государственность возникла до татарского нашествия. Еще до татарского нашествия, именно в 1235 году, приобрел большую силу литовский князь Миндовг, столицей которого в начале татарского ига был Новогрудок, где, по позднейшим летописям, княжил в еще более раннее время и отец Миндовга – Рингольд.

Татарское нашествие, поразившее русских в южной половине западной России, придвинуло новые массы их к литовским пределам и явно вызывало Литву двинуться на юго-восток и утвердить свою власть над этими русскими, представлявшими теперь легкую добычу и даже расположенными признать над собой литовскую власть, чтобы иметь в ней защиту от татар.

Объединение между этими новыми силами, литовскими и русскими, и устройство ими новой западно-русской государственности продвигалось очень быстро и легко».

Агрессия крестоносцев с севера и запада, опасность от монголо-татар с востока и юга создала жестокие условия для создания на литовских и белорусских землях нового государства. Свою версию этих событий высказывал один из первых белорусских историков И. В. Турчинович, в середине XIX века:

«Уже внук Полемона Кернус, около 1048 года завладел значительной частью земель Кривских до реки Дзитвы. Владения его простирались до Семигалии, до левого берега Двины и до земель Бреславльских. Завоевание земель Кривских, случившееся почти одновременно с завоеванием земель Литовских россиянами, дало ему возможность основать первое Литовское княжество – Литовско-Завилейское, бывшее, по своему составу жителей, не чем иным, как собственно Литовско-Кривским или Литовско-Русским. Полоцк и Бреславль видели литовских наездников, страшным образом опустошавших эти страны.

Смуты продолжались в России – и Литва усиливалась за счет ее. Внук Гимбутов Ердзивилл, освободив в 1065 году из-под власти князей русских Нерому и Пелузию, основал из них и еще земель литовских княжество, назвавшееся Верхней Литвой, для отличия от Литвы нижней, или Жмуди.

Князья полоцких уделов к началу XIII столетия, низшедшие на степень мелких владетелей, еще некоторое время сохраняли тень самостоятельности, по крайней мере до Рингольда, при котором почти весь Белорусский край, кажется, уже принадлежал Литве.

В 1226 году, при Рингольде Альгимунтовиче Литва образовалась в обширную державу, будущему могуществу которой положил он первый краеугольный камень. Намерение соединить единоплеменные народы в одно целое, заставило его вмешиваться в дела княжества Литовско-Завилейского, Куронии и Семигалии, где уже начали хозяйничать немцы; а с другой стороны, виды политические требовали утверждения власти в Литовско-Полоцком княжестве и прочих ближайших землях кривских. Поэтому Рингольд предпринял поход к странам прилежащим среднему течению Двины и, судя по последующим событиям, вероятно в это время Полоцкое княжество было присоединено к его владениям; ибо, не владея им, он не мог бы предпринимать таких набегов на северную Россию, каким, например,

был поход его в январе 1230 года, когда литовцы воевали окрестности Селигерского озера».

Около 1235 года князь Аукшайтии Миндовг – в Новогрудке, стоявшем на окраине белорусских земель. Он сделал его столицей княжества, назвав Новгородом-Литовским. В 1238 году Миндовг уже великий князь Литовский – в стольном городе Кернове в «литовской области» на реке Вили. В течение 1250-х годов к Великому княжению Литовскому были присоединены Гродно, Волковыск и Слоним, в Полоцке и Витебске стали княжить племянники Миндовга. Пинские земли вдоль реки Припять также были подконтрольны Миндовгу. Из этих земель и было создано государство Миндовга. Российский исследователь конца XIX века П. Н. Батюшков писал:

«Способы, которые употреблял Миндовг в деле объединения Литовско-Русского государства под своей властью, состояли в том, что он посредством Литвы удерживал и приобретал русские земли, а, опираясь на ополчения своих русских областей, подчинял себе разрозненные мелкие литовские владения.

С течением времени разрозненные составные части возникавшего государства – Литва и Русь – должны были слиться одна с другой внутренне; но на первых порах они тянули врозь и стремились к обособлению, к отделению одна от другой».

Белорусский историк В. Игнатовский писал о Миндовге:

«На основании летописных данных мы можем судить, что он уже от своего отца Рингольда получил значительные силы для борьбы со своими соперниками. Под 1236 годом в Волынском летописе Миндовг уже считается главным князем и представителем интересов всей Литвы. Ливземская хроника, описывая под 1244 годом один из многих походов литвинов на ливонских рыцарей-крестоносцев, говорит, что землю ливонскую совсем опустошили литовские войска, которые насчитывали до 30 000 человек, и что во главе его стоял Миндовг, «могучий король литовский».

В 1236 году по приказу рижского епископа орденское войско было отправлено на завоевание Жемайтии. 21 сентября 1236 года они были разгромлены литовцами – при Сауле-Шауляе. Сам магистр Винтерштеттен погиб вместе с пятьюдесятью рыцарями, а сотни воинов попали в плен. Орден меченосцев был фактически уничтожен. Этот разгром вызвал панику в Ливонии.

14 мая 1237 года в папской резиденции Витербо под Римом был подписан договор об объединении меченосцев с Тевтонским орденом. Папа Григорий XI утвердил устав нового немецкого ордена, подчинявшегося теперь рижским епископам. Территория ордена во главе с хохмейстером состояла из части Палестины, в которой в Акконе находилась столица ордена, острова Сицилия, Франконии (в Германии), Западной и Восточной Пруссии и Ливонии – Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. Основным делом объединенных сил рыцарей в Ливонии, во главе с орденским магистром – гермейстером, стало завоевание новых территорий. Их движение на восток остановил Александр Невский – своей победой на Чудском озере 5 апреля 1242 года.

В 1250 году Миндовг принял крещение от орденского пресвитера Христиана и через год получил от папы римского королевскую корону. В 1251 году папа взял «под опеку святого

Петра» Миндовга с владениями, «которые тот имеет или приобретет», и поручил его заботам всех своих прибалтийских епископов.

В 1260 году, после блестящей победы над ливонскими, прусскими и датскими крестоносцами при озере Дурбе князь Миндовг отрекся от крещения. Он почти заключил договор с Александром Невским – Ливонскому ордену грозил полный разгром. К тому времени около двадцати белорусских княжеств стали частью создаваемого Великого княжества Литовского. Современный белорусский историк А. И. Котов писал:

«Существуют разные теоретически-концептуальные подходы к проблеме образования Великого княжества Литовского.

Первый из них – традиционный, или литовский подход. Согласно этой концепции, Великое княжество Литовское есть результат завоевания литовцами западнорусских земель и присоединения их к литовскому государству.

Другой подход – новая («белорусская») концепция. Согласно ей Великое княжество Литовское есть исключительно белорусское государство, основой которого является белорусское Понемье с центром в городе Новогродке, решающую роль в его создании сыграли белорусские феодалы, господствующими были белорусский язык и культура.

Третий подход (компромиссный по сравнению с двумя предыдущими) или «центристская» концепция. Согласно этой концепции Великое княжество Литовское формировалось на протяжении целого исторического периода (XIII век – 70-е годы XIV века), а не в середине XIII века. В XIII веке при Миндовге и Войшелке сложилось Новогродское княжество (или государство Миндовга, Литовское государство). До середины XV века Великое княжество Литовское – это литовско-белорусское государство, а в другой половине XV–XVI веке Великое княжество Литовское существовало как белорусско-литовское государство.

Четвертый подход высказан современными белорусскими историками в учебном издании «История Беларуси» (под редакцией Я. К. Новика и Г. С. Марцуля, Минск, 1998). Сущность его заключается в том, что Великое княжество Литовское было образовано не только предками современных белорусов и литовцев, поэтому оно не является ни белорусско-литовским, ни литовско-белорусским государством.

Великое княжество Литовское – это полиэтническое государство четырех основных народов: белорусского, русского, украинского и литовского. Славяне занимали в этом государстве 11/12 территории и составляли около 80 % населения. Поэтому Великое княжество Литовское можно назвать русско-литовским государством или литовско-русским («Русь Литовская»), как об этом говорилось в дореволюционной российской и советской историографии. Именно западные земли бывшей Киевской Руси, земли современной Беларуси являлись основой социально-экономического и политического могущества Великого княжества Литовского. Укрепление государства и расширение его территории происходило в одних случаях с помощью военной силы, в других – на основе соглашений между русскими и литовскими князьями, в третьих – путем династических браков».

В 1262 году Миндовг, смертельно оскорбивший своих нобилей, был зарезан. Российский историк В. Ф. Воеводский писал в начале XX века:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.